

В этот момент его лицо оставалось спокойным, без малейших эмоций. Он аккуратно сложил книгу в руках и, откинув голову, оперся о книжную полку. Закрыв глаза, он глубоко задумался. За окном закат окрашивал небо в алые тона, и слабый свет, проникая внутрь, мягко очерчивал тени от его ресниц на веках.

— Таким образом, беспорядки в императорском гареме на какое-то время утихнут. Вот только неизвестно, какая участь ждет род Линь, — произнес он, голос звучал ровно, без тени сострадания.

Однако шаги приближались, и Цин Чжань, почувствовав тревогу, схватил Янь Пэя за руку и указал на угол, куда они тихо направились. Выход навстречу императору был одним делом, но теперь, услышав такие слова, наказание могло быть куда более суровым. Хотя он сам происходил из знатной семьи генералов, прославившихся на поле боя, и, вероятно, избежал бы серьезных последствий, судьба двенадцатого принца, которого император, казалось, предназначал в жертву дворцовым интригам, была под большим вопросом.

Он тихо укрылся в углу, крепко прижимая к себе ребенка, опасаясь, что тот издаст звук. Шаги становились все ближе, и по их легкой, неровной походке можно было понять, что император сейчас расслаблен. В противном случае их бы уже давно обнаружили.

Цин Чжань напряженно прислушивался к происходящему снаружи, размышляя, что делать, если их поймут, и не заметил, как ребенок в его объятиях поднял голову, пристально глядя на него, словно о чем-то размышляя.

Шаги приближались, и, если бы их увидели, бежать было бы уже некуда. Лучше всего было бы притвориться, что двенадцатый принц спит, а он сам стоит рядом, охраняя его. В таком случае наказание для него, вероятно, было бы не слишком суровым. Главное было спасти маленького принца.

Он оттолкнул Янь Пэя, но тот продолжал смотреть на него, не выказывая особых эмоций. Цин Чжань жестами объяснил ему, чтобы тот притворился спящим, а он будет стоять рядом. Даже если император заподозрит что-то, наказания, скорее всего, не последует, ведь император сам был виноват.

Его лицо было напряжено и серьезно, а Янь Пэй смотрел на него, глаза его светились странным блеском.

Цин Чжань взглядом спросил, понял ли он, и тот кивнул. Затем Янь Пэй подошел ближе и обнял его за талию. Цин Чжань попытался оттолкнуть его, но тот лишь покачал головой, продолжая держаться.

В такой критический момент он вел себя как капризный ребенок! Что, если...

— С библиотекой мы, кажется, закончили, на сегодня хватит, — раздался снаружи голос

императора, и Цин Чжань облегченно вздохнул. Они избежали беды.

Янь Пэй молча обнимал Цин Чжаня, уткнувшись лицом в его грудь. Он просто держался за его талию, глубоко погрузившись в его объятия. Много лет спустя, вспоминая эти события, Цин Чжань понял, что в детстве Янь Пэй получил слишком много отчаяния от своих родителей в плане любви и привязанности...

Судьба матери и сына из рода Линь оказалась куда более трагичной, чем предполагал Цин Чжань. Он думал, что это всего лишь борьба за благосклонность в императорском гареме. В худшем случае они вернутся к прежней жизни в забвении, что порой могло быть даже благословением.

Но он не ожидал, что борьба за благосклонность может лишить женщину жизни. Отравленное вино пришло слишком внезапно, и у императора не было ни капли жалости к матери Янь Пэя. Если бы он проявил хоть немного сострадания, она бы не погибла.

Обвинения выдвинула наложница Чжэнь, которая была в фаворе. Она утверждала, что мать Янь Пэя толкнула ее сына, шестого принца, в пруд. Затем в постели Линь нашли куклу с именами шестого принца и наложницы Чжэнь, а также их датами рождения.

Колдовство и покушение на жизнь принца — это были тяжкие преступления, каждое из которых могло стоить Линь жизни. Если бы император захотел помочь ей, у нее был бы шанс. Но в то время Линь даже не могла увидеть императора.

Наложница Чжэнь происходила из государства Ци, и нынешний правитель Ци был ее родным братом. Узнав, что сестра подверглась такому оскорблению, он отправил послов с заявлением: если справедливость не будет восстановлена, государство Ци заберет наложницу Чжэнь и само восстановит справедливость.

Император, конечно, не стал защищать Линь. Отравленное вино положило конец ее ожиданиям.

Согласно слугам, доставившим вино, двенадцатый принц был рядом с матерью, когда она умерла. Юный принц не плакал, а лишь мрачно смотрел на всех присутствующих. Слуги, державшие его, не решались применить силу.

Линь выпила вино и испустила дух. Они поспешно выбежали, словно спасаясь бегством. Двенадцатый принц начал целовать лицо матери, шепча что-то вроде «прости»...

Они услышали только это «прости», но не услышали его слов: «То, что ты пережила сегодня, я верну сторицей!»

Линь умерла с клеймом преступницы, и по правилам ей даже не полагалась могила. Ее

похороны были скорее символическими — тело завернули в циновку и выбросили. Где именно — на каком-то из кладбищ для бедняков — неизвестно.

В дождливую ночь после похорон Линь Цин Чжань тайком пробрался во дворец Нинлэдянь. После смерти Линь это и без того отдаленное место стало еще более заброшенным, и Цин Чжань мог свободно входить и выходить.

Янь Пэй все еще сидел, свернувшись, на том месте, где умерла его мать. Остатки отравленного вина валялись рядом, их запах был удивительно сладким, почти соблазнительным.

Янь Пэй сидел, опустив голову на руки. Цин Чжань подошел и обнял его, но тот оставался в том же положении, не двигаясь.

Цин Чжань пришел под дождем, и его одежда была мокрой. Боясь, что влага передается Янь Пэю, он поспешно отстранился и начал медленно гладить его по спине, стараясь утешить.

Тело Янь Пэя оставалось напряженным, но он медленно начал склоняться в сторону Цин Чжаня. Тот обнял его, не зная, что сказать, и просто держал его. Цин Чжань был мокрым, его тело не было теплым, но Янь Пэй упорно прижимался к нему, как будто тот излучал тепло...

В тот момент Цин Чжань не понимал, что он дал этому ребенку — тепло, которое навсегда останется в его душе.

Теперь во дворце остался только этот ребенок, и ему не с кем было делить свою жизнь. Выживать в императорском дворце становилось все труднее... Если бы кто-то обидел его, Цин Чжань не всегда мог бы быть рядом, чтобы защитить его.

Неожиданно Цин Чжань вспомнил о своей тете, которая занимала положение императрицы. Она родила старшего принца, но тот рано умер. Хотя тетя не была так любима императором, как наложница Чжэнь, она была его законной супругой. Если бы она согласилась взять двенадцатого принца под свое покровительство, никто не осмелился бы обидеть его.

В тот момент Цин Чжань думал только о том, как защитить двенадцатого принца, и не задумывался о троне. Но когда он рассказал об этом своему деду, тот долго смотрел на него:

— Ты хочешь поддержать его в борьбе за трон? Если нет, лучше не делать этого. Это только подвергнет двенадцатого принца еще большей опасности. И твою тетю тоже.

— Наложница Чжэнь и наложница Шу — недобрые люди. Они не трогают твою тетю по нескольким причинам: во-первых, у нее есть заслуги перед императором. Во-вторых, наша семья Цин обладает значительной властью. И в-третьих, старший принц умер, и у твоей тети нет сына. В любом случае она не сможет соперничать с ними, поэтому они не беспокоятся. Но если ты дашь ей сына, это создаст им конкурента. А мать этого ребенка была убита

наложницей Чжэнь, и она сделает все, чтобы усложнить им жизнь. Ты уверен, что хочешь этого?

После этих слов Цин Чжань понял, что поступил опрометчиво.

На следующий день он спросил мнение Янь Пэя. В тот момент, после занятий, несколько принцев окружили Янь Пэя, насмехаясь и оскорбляя его. Янь Юй стоял в стороне, опираясь на стол и смеясь. Но как только Янь Пэй подошел, его лицо сразу стало мрачным.

Цин Чжань не обратил на это особого внимания. Он вывел Янь Пэя, и тот оставался спокойным, словно ничего не происходило.

Цин Чжань рассказал ему о своем плане и словах деда, спрашивая его мнение:

— Если ты не согласен, я не буду говорить об этом своей тете.

В отношении двенадцатого принца Цин Чжань не колебался ни на секунду, стараясь обеспечить ему наилучшие условия, чтобы тот не страдал ни в чем.

Янь Пэй смотрел на Цин Чжаня, и в его глазах был такой свет, что казалось, он готов был поглотить его:

— Помоги мне.

И Цин Чжань, не раздумывая, согласился.

Когда он вместе с дедом пришел к императрице, своей тете, в ее глазах загорелась надежда. Она схватила Цин Чжаня за руку:

— Ты готов поддержать этого ребенка?

Цин Чжань кивнул, и императрица улыбнулась:

— Тогда мы уже на полпути к победе! Я доложу императору, и, если все пройдет хорошо, ребенок сегодня же переедет в мой дворец!

<http://bllate.org/book/15451/1370743>